

ХОД ВРЕМЕНИ

Вы любите бродить по старым выселенным домам? Я люблю. Не корысти ради: все дореволюционные дверные ручки уже свинченны, дубовый паркет выкорчеван, брошенная за ненадобностью мебель подобрана и свезена в комиссионку или на дачу. Я люблю эти пустые комнаты, оклеенные в разные обои, несущие черты не похожие на другие жизни, еще хранящие часть души своих хозяев. Вот зарубка на дверном косяке. Напротив нацарапано «Витя, 1928 г.». Судя по высоте, Вите было года три. Самая верхняя зарубка сделана в сороковом. Вот обрывок семейного фото. Женщина с прической под Целиковскую. От мужчины осталось только плечо. Развелись?.. Из-под отклеившихся обоев выглядывает угол желтой газеты. «С большим воодушевлением встретили работники образования приветственное слово товарища...» «Ща Сталина», «Ща Хрущева», «Ща Брежнева»?

Какой-то юный фанат забыл на стене плакат с изображением другого Виктора — Цоя. Два года назад Цой погиб, а лет десять назад — может, меньше — он спел песню «Последний герой».

Герои Советского Союза

О героях и речь.

В 70-е годы, когда писали сочинения на свободную тему, большое школьное начальство имело обыкновение предлагать что-нибудь героическое. Ну например, «Есть ли место подвигу в наши дни». Или «Герой нашего времени». Замызганные тетради троечников повествовали о строителях БАМа и космонавтах. Хорошисты разнообразили примеры шахтером, лишившимся при аварии обеих рук и освоившим литературный труд. И стюардессой, погибшей при угоне самолета. О них же писали и отличники, только без ошибок. А о ком еще они могли писать? Не о меланхоличном эгоцентристе и цинике каком-нибудь, вроде того, что полтора столетия назад произвел в герои Лермонтов. И уж точно, никто не воплощал в своем труде бесмертный образ четырехжды (пятьюжды?) героя, маршала, кавалера ордена «Победы» и проч. и проч.

Между тем в любой стране есть свои герои. Ими могут быть политики, тореадоры, бандиты, пилоты, военные, полицейские, музыканты... Кто только не побывал в этом качестве, чьи только имена не повторялись миллионы соотечественников, независимо от того, есть ли в этом государстве официальный статус «героя» или нет такового.

Да, к слову сказать, обладатель этого звания совсем не обязательно является таковым на самом деле. (Пример — вышеупомянутый четырехжды герой). И это вполне естественно. Ибо кто, впадние истинности подобных несовершенств декларируемого и реального полноты-полно. (Уточняю: речь идет не о кумирах из мира искусства, а именно о героях, которые признаются таковыми в равной степени любителями Чайковского, панками и людьми, не переносящими всякую музыку).

Для того же, чтобы стать действительно народным героем, недостаточно совершить или создать нечто из ряда вон выходящее. Надо обладать еще набором личных качеств, отвечающих симпатиям народа. Проще всего проводить аналогии с героями сказок и легенд, с историческими персонажами. Скажем, вряд ли нашим героем мог бы быть хитрый пройдоха Ходжа Насреддин или непоколебимый Заратустра. Если уж пройдохе, то кто-нибудь вроде Гришки Распутина, если уж непоколебимый — Штирлиц, разыгрывающий из себя такового. Но не о «звездах» кино, повторяю, здесь речь. А о тех, чьи портреты граждане вешали на стены своих жилищ, чтобы дети учились...

...Старый-старый дом. Мысленно убираю перегородки, разделявшие во время капитального ремонта огромные коммуналки на отдельные квартиры. Оказываюсь в десятиметровой комнатке с абражуром, радиотарелкой, кружевными подзорами на железной кровати с шпалочками. На стене — коллаж из семейных фотографий. Под рамку краем засунуто фото, вырезанное из газеты. Кто это? Мужественные, открытые, обветренные лица. Это полярники. Это летчики, устанавливающие на красных звездных крыльях машины все новые мировые рекорды. Это их, осыпанных листовками и цветами, приветствуют тысячи людей на старой

кинохронике. Это их нарасхват приглашают в президиумы, на торжественные вечера в учреждения, их именами называют пионерские дружины.

Особенно любим Чкалов. Почему он? Да именно потому, что к таким героям и тяготел всегда наш народ. Вечно загадочная славянская душа, сформированная (по Н. Бердяеву) бескрайностью пространств, лепила образы людей широких, отчаянных, бесшабашных, сочетающих героизм с безрасудством. Таким представляла Чкалова молва, зафиксированная потом кинематографом.

А чьи еще фотографии висели на стенах, если не считая актерской и эстрадной братии? Может, кто-то в назидание себе украсил комнату Алексеем Стахановым? Или героями-матростроевцами? Может быть, может быть. Но все же, в первую очередь — летчики. Была эпоха, когда действительно казалось, что «полет наших крыл» «все выше, и выше, и выше». (Вот и небо, вот и сердце-мотор, вот и Чкалов!).

Старый дом. Меняются портреты расстрелянных наркомов на портреты нерасстрелянных, сосланных писателей на несосланных.

На окнах появляются бумажные кресты. Чьи лица, по идее, должны были бы замелькать на стенах в ответах прожекторов, перечеркивающих ночное небо? Военных. Героев-генералов, героев-рядовых. Но их нет, мало их. Ведь герои — это кто-то, кто не как все. А тут — все. Потому что «ваш сын пал смертью героя», «ваш муж, героически защищая...», а еще брат, жена, сосед. И сестра в Ленинграде от голода. И знакомая где-то в Германии...

Но вот и герои. Вот летчик, искалеченный, но продолжающий летать, вот солдат, бросившийся на амбразуру, вот казненная партизанка, вот молодые подпольщики... Говорить о них можно торжественно. Но почему-то каждый раз становится неловко. Может, именно потому, что все время вспоминается погибший сын?..

Был, конечно, Жуков. Но как относиться к Жукову, когда надо верить — нельзя не верить! — Сталину? Как относиться: так, как вчера, или так, как сегодня, когда оказалось, что все не так? Да и вообще, что «так», а что «не так»?.. Это наше вечное, советское...

А потом уже солнце в окне, и весна, и яблони цветут. И вспоминать о войне не хочется. А хочется слушать трофейные пластинки с Петром Лещенко и смотреть фильмы с Орловой.

В коммуналке звучат другие голоса. Вот — скорчат. И мать попрекает. А как не попрекать? «Я тебя одна без отца растила, недодала, бедосыпала, а ты!..» А он надрисывается и увезает покорять целину. Вот они, герои. В тогдашних сочинениях, наверное, писали про них так же, как потом про бамовцев... Но на стены не вешали. Не фотографировали же всех сразу!

А другой сын, не успевший уехать, говорит об атоме, о ядре, о Лэндау. И вот уже у всех на устах физики, лирики, а на стенах — одинокий Хемингуэй.

Но как нужен герой, как нужен.

И вот снова море листовок и цветов навстречу торжественному эскورتу. И все новоруженные мальчишки повально называются Юриями. А все подростки носят значки с Гагариным. Ух, какой он! Разве мог он быть другим, не таким — с открытым лицом и обаятельной улыбкой? И тут же молва дополнила образ и вроде бы существующей широтой, бесшабашностью, удалой. И похоронили с этой легендой. От того, что «спяну разбилась», до того, что «не хотел бросать в самолете товарища».

Потом еще космонавт, и еще. И марки с их лицами, и торжественные пионерские линейки. Потом космонавтов стало много, и они перестали быть героями.

...Старый дом ставится на капитальный ремонт. Пора хрущоб, пора отдельного жития. Пусть убогого, но — отдельного. Коммунальные газовые плиты расползаются по своим клетушкам. И вот мы на кухне. В комнате сладко посапывает младенец. Ночь. Мы говорим о своих героях. Мы говорим о Солженицыне, диссидентах, Любимове, Тарковском. Это они, герои учителей, бородачей-геологов, начитанных технарей, свободомыслящих гуманитариев. К сожалению, только их. Они порою Галича. Мечтают написать роман обо всем этом. Слушают «Свободу» и «Голос Америки». И, как некогда было сказано, «страшно надежды они от народа» на этих своих ночных кухнях. А те, кто в отличие от них все же «вышел на площадь», — тех и вообще единицы. Сумасшедших — единицы.

И «жить не по лжи» как-то не получается. Хотя и можно, смеясь ради, четырехжды героя повесить в сортире. Если, ко-

нечно, к тебе не заглядывают стучащие сослуживцы.

Но вот и новый герой в нашем доме. Его фотографии висят на кухнях, на лобовых стеклах грузовиков, в роскошных апартаментах, в КПЗ. У него свое в доску лицо. Он широкий человек. Свободы ему не занимать. Он может быть геологом, летчиком, альпинистом, уголовником, кем угодно. Одновременно он поэт обо всем, как есть. Он умер. Его хоронят. И многие понимают, что хоронят последнего своего героя. Потому что вместе с Высоцким агонизировала гигантская страна.

Вот и все.

А потом героев предлагал телевизор. И уже тот самый съезд, и кажется, что ими вот-вот станут политики. Прислушиваемся к их речам, как некогда к реву моторов легендарных самолетов, пересекающих полюс по пути в Америку. Оказывается, можно соединить наши крамольные мысли с высокой трибуной!

И все же они не стали героями. Почему? Ведь в той же Америке были Кеннеди, Кинг. Еще кто-то. Может, потому, что все у нас перепуталось, и уже не знаешь, где правда, где ложь, где высокая забота о всеобщем благе, а где мелочное тщеславие, мстительность и корыстный расчет?..

...Кандидаты в герои стали появляться на телеэкране с головокружительной быстротой, а пропадать еще быстрее. Скорость соответствовала времени. Судьба, уготовавшая Союзу исчезновение, будто решила потратить напоследок его закрома: что там еще осталось?

Ну во-первых, тут-то и выяснилось, что все или почти все, кого считали героями, таковыми не были. Что Чкалов был не один и в чем-то не первый. Что на Стаханова работала бригада. Что с молодоговарадскими далеко не все ясно. Что имидж Гагарина долго разрабатывался. И вообще вроде кто-то летал до него. Это уж не говоря обо всех прочих, разоблачению которых были посвящены тома.

Естественно, пошла реакция «от противного». Все, кто был неприятен властям, метили в герои. Отставной генерал КГБ Калугин. Гдяня и Иванов. Артем Тарасов. Неважно, правду говорят, неправду, брали ли, нарушали ли и т. д. Но как и все, что «от противного», как и все не настоящее — они быстро надоедали. К тому же всю раскрученную машину «срывания всех и всяческих масок» не ограничивалась одним лишь минувшим и, подкармливаемая убеждением, что именно она держит на высоте тиражи газет и журналов, требовала все новых жертв. Стать популярным, почти героем теперь столь же просто, сколь и чревато скорым низвержением.

А вот мужественные мускулистые парни в защитной форме. Первые восторженные публикации в прессе, зачем нужен ОМОН, как живут суровые его бойцы, как ежедневно и почти бескорыстно рискуют жизнью. А скоро оказалось, что ОМОН — явление далеко не однозначное. Замелькали названия городов, в которых эти самые лихие парни демонстрировали свои физические возможности на стариках и подростках. Видно, Рэмбо не из нашего романа.

Чуть было ни стали героями тележурналисты. Лихо начинали. Но вот они подальше в политику и зарпортовались, другие стали вести передачи многозначительно и нудно, третьи погрязли во внутрителевизионных дрязгах. Увереннее и дольше прочих метил в герои Александр Невзоров. Потом многие к нему охладели. Так что и герои Уотергейта оказались не для нас.

...Старый дом. И вот снова та же комната. И Цой на стене. Кого он приветствовал: «здравствуй, последний герой»?

В этом старом-старом доме скоро будет банк. В сверкающих коридорах замелькают лица молодых миллионеров. Как уже замелькали они на ТВ, в газетах. Как на Западе стали рассказывать о «селфмэйджнах». О том, как нищий студент занялся бизнесом и через полгода стал миллионером. Уже смакуются подробности: кто во что был одет на такой-то презентации, кто какую машину себе купил. Но что-то мало верится, что и у нас будут этих людей приводить в пример детям: вот смотри, как жить надо, каким человеком быть!

Да и потом как-то куцо у нас все с этим новым классом. По-советски как-то. И уж чего точно нет, так это милой сердцу широты, бесшабашности, свойственной быломu русскому купечеству.

Безгеройное время какое-то. Впрочем, что там говорить, когда одно государство уже похоронено со всеми своими героями и легендами, а новое еще не создано. Да и народ сильно изменился. Понятия о подвигах, жертвенности, бескорыстии — тоже.

Вот попытались из трех бедных ребят, нелепо погибших у Белого дома, сделать героев. Но не получилось. Нет уже такого государства, героями которого они могли бы быть.

Нет государства. Нет героев. Нет самоценной человеческой жизни. Многие считают, что нет и перспектив. Что же есть?..

...Закроем за собой массивную дверь старого дома. На его холодных, опустевших лестницах место разве что призракам былых героев.

Сергей БЕДНОВ.